

Фаддей Булгарин

Развалины

Альмодаварские

Фаддей Венедиктович Булгарин

Развалины Альмодаварские

«Пламя войны и раздоров опустошало Испанию; народ Испанский боролся с могуществом Наполеона. Кровавый след среди пепелищ знаменовал путь победы, сопровождаемой местью и отчаянием. Тысячи иноплеменников из всех концов Европы толпились на сем поприще славы и гибели: немногие участвовали сердцем в великом замысле порабощения великодушного народа – и сражались. Звание воина требует одного повиновения...»

Фаддей Булгарин
Развалины Альмодаварские

Пламя войны и раздоров опустошало Испанию; народ Испанский боролся с могуществом Наполеона. Кровавый след среди пепелищ знаменовал путь победы, сопровождаемой местью и отчаянием. Тысячи иноплеменников из всех концов Европы толпились на сем поприще славы и гибели: немногие участвовали сердцем в великом замысле порабощения великодушного народа – и сражались. Звание воина требует одного повиновения.

Небольшой отряд Французов находился в Альмодаваре, на пути из Сарагосы в Мадрид. При каждом пристанище чужеземных войск, окрестные жители собирались вооруженными толпами, как пчелы вокруг разоряемых ульев, и старались всеми средствами вредить нарушителям своего спокойствия. В то время слышно было, что отчаянные Гверильясы, из отряда жестокого Эмпесинадо, бродили вокруг Альмодовара и выжидали кровавой добычи. Надлежало остерегаться, мы были вооружены день и ночь; бдительная стража охраняла все входы в город; подозрительные отряды конницы беспрестанно разъезжа-

ли по окрестностям.

В один из ночных разъездов, я остановился отдохнуть у подножия утеса, на котором возвышались развалины древнего замка, разрушенного, по преданиям, Маврами. Любопытство повлекло меня на вершину утеса. Ночь была тихая: луна ярко светила на темном небе и серебрила оконечности седого здания, которое с противоположной стороны бросало длинные, черные тени. Если б я был поэтом, то эти серые камни назвал бы *остовом событий*. Густые каштановые деревья осеняли одну сторону замка; у подножия утеса протекал ручей, а за ним простиралась необозримая равнина, которая при свете луны зеленелась на близком расстоянии и вдали скрывалась во мраке ночи, как скрываются прелести Испанских красавиц под их черными мантильями. Мои уланы отдыхали на мураве, завернувшись в плащи и держа лошадей за повод. Флюгера пик, воткнутых в землю, не шевелились от ветра. Я в задумчивости побрел к развалинам. В моем воображении мелькали тысячи образов, и воспоминания старины оживлялись в присутствии

безмолвных её свидетелей. Протекло шесть веков, думал я, как Испанская кровь лилась на этой равнине, как Мавры дикими воплями торжествовали победу, и Испанцы оплакивали смерть мужественного Альфонса VII и короля Арагонского. Может быть, во время кровавой сечи, прелестные обитательницы этого замка, с ужасом взирали из решетчатых окон на погибель своих рыцарей и с отчаянием ожидали смерти или плена. Несчастливая страна! И теперь чужеземец с презрением попирает ногами остатки твоей священной старины: неутомимые кони северных степей падутся на ароматных твоих лугах, и гибельная пика из мрачных и хладных лесов надвислянских водружена в землю, произращающую лимон и оливу; твой шелк развевается на её древке.

Внезапный шум прервал мою думу: груды песку и щебня посыпались с вершины полуразрушенного свода, я оглянулся – и вижу женщину, в черном платье, с распущенными волосами; она стоит над моею головою и держит в руках огромный камень, готовый поразить меня. Взоры наши встретились, и дикий

взгляд её произвел во мне такое ощущение, как блеск кинжала над сердцем человека, внезапно пробужденного от сна. Невольный трепет пробежал по всем моим жилам, кровь охладела и сердце сжалось. «Ты ли убил его?» воскликнула она грозным голосом и подняла камень над своею годовою. Минута была решительная, но какое-то вдохновение спасло меня. «Нет, не я!» отвечал я громким и твердым голосом, но все не постигая вопроса. «Не ты?» сказала незнакомка, понизив голос, медленно опустила камень, села на обломке и устремила на меня свои черные, блестящие глаза. В это время я пришел несколько в себя и с любопытством смотрел на незнакомку. Она была молода и прекрасна, но правильные черты её лица выражали суровость, неподвижные взоры внушали ужас. Суеверные воспоминания детства вспорхнули в моей памяти; воображение мое воспламенилось, и я мечтал, что вижу пред собою грозное привидение из-за пределов гроба. — «Не ты убил его,» — повторила незнакомка, — «но ты верно знал его! Он был издалека; а теперь еще далее! Он теперь там!» сказала она, под-

няв руку в верх и очертив в воздухе полукруг: «он теперь там: я часто вижу его по ночам, в этом зеркале,» примолвила она, указывая на луну. Настало краткое молчание. «Что ты смотришь на меня?» сказала она, – я теперь не могу более плакать: днем в глазах моих жгучий лесок, ночью горный снег – а слез вообще нет!

Она закрыла лицо руками; я слышал её всхлипывания и тяжкие стоны, которые раздирали мое сердце. Сострадание заступило в душе моей место ужаса. Любопытство мучило меня, но я не смел и даже почитал бесполезным обременять ее вопросами.

Вдруг она привстала, отбросила покрывало, и я увидел, что лицо её пылало румянцем, глаза налились кровью. «Ты не Француз?» – спросила она грозно, и я видел, что все члены её трепетали в судорожных движениях «Нет!» сказал я хладнокровно. «Слава Богу!» воскликнула незнакомка; «Француз убил его на моей груди и хладное железо осталось в моем сердце.» При сих словах незнакомка обнажила кинжал. «Вот он! – Видишь ли его; я должна согреть его в крови убийцы»

«О, я найду его, я найду его!»

Незнакомка удалилась во внутренность развалин и скрылась за обломком разрушенной стены; эхо повторяло звуки её медленных шагов и вскоре затихло. Эта необыкновенная встреча произвела во мне сильное впечатление; я несколько времени сидел в раздумье на камне, наконец встал, чтобы возвратиться к моему отряду и увидел Фернанда, моего верного проводника, который стоял в нескольких шагах от меня. «Я все видел и слышал», сказал он, «но не смел показаться, чтоб не испугать её.» – Не слыхали ли чего об этой несчастной? – «Ее все знают», отвечал Фернандо: «это Агнеса, дочь Гидальгоса, которого участок земли находится в горах, недалеко отсюда. Окрестные жители боятся Агнесы и уважают ее. Одни называют ее сумасшедшею, другие вдохновенною, иные волшебницею. Ее не смеют удерживать дома, и она по большей части живет в развалинах, куда набожные люди доставляют ей пищу. Говорят, будто она предсказывает будущее. Агнеса возвестила падение Сарагоссы и теперь предсказывает»... Фернандо замолчал. «Говори, что та-

кое,» возразил я с нетерпением. «Она предсказывает скорое возвращение нашего Короля, и изгнание Французов из Испании.» – «Пустое,» сказал я, притворно улыбаясь, «вы, Испанцы, во всем видите то, чего вам хочется. Но расскажи мне историю этой прорицательницы.»

Мы сели на камне, и Фернандо начал свое повествование:

«Отец Агнесы сражался против Французов, в отряде Гверильясов старого Мины; он был взят в плен с оружием в руках и приговорен к позорной смерти. Один Французский офицер тронулся его летами и благородными чувствами, и освободил его от смерти. Вскоре случай доставил Гидальгосу средство воздать тем же своему благодетелю. Офицер был ранен и взят в плен, близ селения, в котором жил Гидальгос. Он спас его от ярости черни и взял к себе в дом, прилагая попечение как о родном сыне, Агнеса ухаживала за больным; они проводили дни вместе и вскоре полюбили друг друга. Отец благословил их любовь, и к заключению брака ожидали только полного выздоровления офицера. Он был

не Француз, но усердный католик, родом из страны покоренной Наполеоном, и не охотно следовал за его знаменами.

Накануне свадьбы Агнесы, толпа Французов напала врасплох на селение: это были солдаты, отставшие от войска для грабежа и бесчинства. Большая часть поселян занята была полевыми работами; оставались старики, жены и дети. Грабители вторгнулись в дома и распространили ужас в беззащитных семействах. Несколько гренадеров, как бешеные вбегают в дом отца Агнесы. „Вина!“ кричит один, замахнувшись прикладом на старую служанку. „Денег!“ восклицает другой, прицелившись ружьем в хозяина. Между тем древний шкаф разрушается в дребезги под ударами секиры сапера. Хищники бросаются на серебряную утварь, и один из них, не довольствуясь сею добычею, простер святотатственную руку на золотое изображение Спасителя, висевшее на стене. Тогда Гидальгос не был в силах владеть собою: в порыве справедливого гнева, он бросается на святотатца и сильною рукою повергает его на землю. Несколько штыков устремлено на велико-

душного защитника святыни, и злодеи готовы нанести уже удары; но вдруг дверь открывается, и является офицер в полном Французском мундире, с обнаженной шпагой: это был жених Аглесы. „Стойте, варвары!“ восклицает он. Солдаты невольно опустили ружья и в смятении поглядывали друг на друга, „За чем вы здесь?“ спросил офицер. „Мы ищем съестных припасов для войска“ отвечал гренадер. „Разбойники!“ сказал офицер в негодовании, — „так-то вы бесчинством своим вооружаете жителей против своего государя и своего благородного народа. Прочь отсюда, или первый, кто дерзнет противиться, падет на месте.“ Видно, что солдаты догадались по произношению офицера о том, что он чужеземец, и дерзость их превратилась в испуг. „Но кто ты таков, и по какому праву смеешь повелевать нами?“ возразил старейший гренадер. „Разве ты не видишь этой кокарды?“ отвечал офицер. „Он переметчик, он изменник!“ закричали со всех сторон грабители и бросились на офицера. В сию минуту Агнеса вбежала в комнату, и видя возлюбленного своего на краю гибели, устремилась

к нему, прижала его к груди своей, и отчаянными воплями умоляла о пощаде. Но уже офицер пролил кровь одного из хищников; злодеи забыли долг чести и закололи благородного юношу на груди Агнесы: хладная сталь скользнула по груди её – злополучная упала без чувств на труп своего жениха.

Изверги получили достойную казнь за свое преступление. Грозный набат призвал жителей к защите своих семейств: ужасная сеча между хищниками и мстителями кончилась победою справедливой стороны. Все Французские солдаты или пали на месте, или достались в плен и погибли мучительною смертью. Тела их брошены были на съедение хищным птицам.

С той минуты, как кровь жениха обагрила грудь Агнессы, она потеряла рассудок. Ей кажется, что хладное железо погружено в её сердце, и что ей должно согреть его в крови убийцы. Она не верит, что все хищники погибли и беспрестанно ищет своей жертвы. Многие Французы уже пали под её ударами, но месть её не насытилась. Невинная кровь падет на зачинщиков....»

Фернандо не смел продолжать и кончил свой рассказ. Я в безмолвии возвратился к отряду и во всю дорогу грустил, помышляя о несчастной. Развалины Альмодаварские остались в моей памяти.

О люди, думал я, зачем вы терзаете друг друга, когда, делая добро, можете быть счастливыми!